

Российскую социологию режут на части

Всем хорошо известен следующий факт. Художник-новатор Олег Кулик в галерее «Риджина» резал живую свинью и бесплатно раздавал куски мяса посетителям, одновременно в подвале женщина должна была рожать, в этой же экспозиции рядовые срочной службы держали картины на вытянутых руках. В другой выставочной ситуации Олег Кулик разделся, стал на четвереньки – и превратился в ценную «человека-собаку», набрасываясь при этом на людей.

Между социологией и искусством не так уж много общего. Кроме одного. Обе сферы творчества превратились в полигон для всякого рода профанаций и манипуляций, далеких от профессионализма. В России гвоздь сезона—«живая вода» самородка Петрика, кажется, успешно уложившего на ковер всю Академию наук почти в полном составе. А в социологии? Тут все сложнее, хотя и свои очевидные «достижения» имеются.

Следуя синхронно ритмам вялотекущего кризиса, сократился спрос на социологический компонент в маркетинговых исследованиях, рекламе, программах связей с общественностью и управления персоналом. Эти и некоторые другие высоко коммерциализированные сегменты социологии отреагировали на кризис в первую очередь и наиболее очевидным образом. Но, мы знаем, социология вовсе не сводится именно к этим областям исследований. Она несравненно шире и глубже в своей общей теории и многочисленных дисциплинарных направлениях. По подсчетам Международной социологической ассоциации их не менее 120. Что же происходит в отношениях российской социологии и кризисного социума сегодня?

Не касаясь деталей, можно констатировать, что российское общество и государственные органы, находясь в условиях сильного экономического прессинга, заметно утратили интерес к социологическим данным и их анализу. И это очень тревожный синдром подобный тому, когда серьезно больной пациент отказывается от медицинской госпитализации, полагаясь на народные средства и «заговоры» шаманов. А ведь общество наше находится отнюдь не в лучшей, а подчас и кризисной своей форме— об этом свидетельствует его комплексный и специализированный социологический диагноз по основным жизненным показателям.

Социология не может себя насильно предлагать и, тем более, продавать себя. И поэтому мы с сожалением констатируем, что заметное дистанцирование общества и государства от научной экспертизы не может способствовать выходу на правильную дорогу. Этот путь в будущее не прокладывается в режиме ручного управления методом

проб и ошибок и с опорой лишь на интуицию и мобилизацию предшествующего опыта. Здесь нужна наисовременнейшая социальная наука в своих лучших достижениях, притом, чем больше, тем лучше. Ведь не секрет, что в управленческих решениях любого уровня ровно столько разумности и обоснованности, сколько в них научного социального анализа. Иными словами, востребованность социологии—важнейший признак интеллекта и культуры во всех их проявлениях.

В этих условиях особенно важно сохранить научную чистоту и эффективность социологии, не разрешить ученым-социологам поколебаться в своей приверженности принципам науки. А основания для нестойкости имеются.

Немалые группы социологов и представляемые ими весомые научные и учебные институты, видя наступивший кризис, решили сменить роль аналитиков и ученых, на роль общественных идеологов или своеобразных проводников, которые точно знают, «как надо» выводить Россию из создавшегося положения. Под вывеской социологии, вместо углубленного и экспертного фактического анализа текущего процесса, создаются фантастические картины геополитических раскладов в современном мире, «научно» оформляются мифы об особом историческом мессианстве, которое-де решит все проблемы настоящего и будущего. Наука непосредственно сводится к политическим заклинаниям, дирижистским целеуказаниям и христианским проповедям, в которых слово «надо» и «должно» вытесняет словосочетание «реальное положение дел». Сон социологического разума, сочетающийся с невиданным по своей интенсивности политическим активизмом, порождает многочисленные фантазмагии и мифы. В самом деле, нет у нашей науки ни конца, ни края. Все это не имеет отношения к научной социологии и лишь использует имя этой науки для оформления какого-то иного вида деятельности. Это наше первое достижение текущих дней.

Но есть и другое.

Научная социология испытывает давление и иного рода. Видя, что общество теряет интерес к современной социальной теории и социологическому анализу, многие социологи, притом весьма одаренные, притом молодые и вроде бы неплохо образованные, словно отшатнулись от общества и наказали своим презрением его за отсутствие интереса к углубленной социологии (в их понимании). Российская действительность видится им вульгарной, неинтересной и, по определению, не заслуживающей внимания настоящих ученых. Разочаровавшиеся социологи принялись конструировать причудливые замки абстрактной мысли, превращая свою науку в некую сугубо виртуальную сферу без окон и дверей—в «коробочку». Это не вполне социология, и не вполне профессиональная философия, а так, «размышлизмы». Так возникает социология без общества, без людей и

без дыхания современной истории, но с бесконечной схоластикой расщепления категорий и конструированием новых миров на кончике иглы. При этом все затуманивается нарочитой усложненностью языка, ибо ясная речь отвергается как таковая. Одновременно в ход пошли уже некоторые достаточно маргинальные идеи социологии XX века, а равно и посмодернистский и деконструктивистский инструментарий, тоже порядком потускневший от времени, но получивший свое второе дыхание в российском перманентно кризисном социуме по причине отсутствия собственных, не эпигонских, теоретических новаций. (Точно так же, как и опыты художника Олега Кулика, режущего свинью и изображающего собаку, что для Европы уже далекое *deja vue*.)

В сухом остатке речь идет о том, чтобы превратить социологию в поле чисто умозрительного дискурса, сориентированного только на себя и включающего только себе подобных. И это в просторечье называется «социология знания» или «креативная эпистемология». Используя чисто метафорический (не понятийный!) полулитературный, поленаучный язык строятся фрагментарные системы смыслов, абсолютно не релевантные объективной социальной реальности, возникает некая фантазийность. В этом балансировании на грани понятия и метафоры, науки и ненаучного текста и заключается секрет фирмы. Любое логическое противоречие мысли, любая несостоятельность логики аргументов немедленно погружается в метафорическое иносказание и уводится со сцены за горизонты мерцающего смысла. В иных случаях подобная игра разума любопытна как и любая локальная субкультурность. Но только в исполнении имеющихся заморских классиков. В исполнении местных эпигонов она просто смешна и выглядит довольно провинциально. И все это было бы, что называется, «ничего» (особенного), если бы не претензии фантазийщиков называться социологами. Тут уж коса находит на камень.

Опыт создания «социологии для социологии» ведет к отрицанию одной из самых фундаментальных истин: даже самая обобщенная социальная теория может считаться научной только тогда, когда она в каждый момент и в каждом своем логическом звене обнаруживает возможность быть проиллюстрированной и подтвержденной фактами, тенденциями, **видением** повседневно развивающейся реальности, эмпирическими исследованиями. И никак иначе. В противном случае социология превращается в чисто сектантскую деятельность катакомбного типа, в чем-то притягательную для схоластически ориентированных умов, но начисто лишенную именно социологического компонента. Аксиома состоит в том, что социологии вне постоянного и каждодневного диалога с обществом быть не может. Формальные задачи в социологическом дискурсе ни при каких обстоятельствах не могут заслонять целей анализа и интерпретации живого социального процесса.

Все эти эксперименты с «социологией без общества» можно было бы оставить без внимания или уделять им ровно столько внимания, сколько они того заслуживают, если бы не одно обстоятельство. Опыты по деконструкции научного рационального знания производятся на студенческих аудиториях. А тут уже другая химическая реакция, на выходе которой появляется весьма своеобразный «продукт». А каков он, этот «продукт»? Давайте присмотримся.

Некий молодой аноним, не то студент-старшекурсник, не то магистр социологического факультета, весьма откровенно рисует в своем Живом Журнале «идеальный тип» современной интеллектуала новой генерации: «Многие из нас рассматривают социологию как разновидность приятного интеллектуального хобби, которое должно быть интересным в первую очередь нам самим. По сути занятия социологией оправдываются только собственным интересом к исследовательской деятельности ну и прочим благам, которые приносит академическая жизнь. Главное, я заметила радикальность этого поколения, которое очень быстро перескочило от связки *социология интересна обществу* к *социология интересна мне*, пропустив очень важное – *социология интересна социологам*. Это приводит к тому, что действительно абсолютно наплевать, кто и что думает о твоей теме исследования, если она тебе интересна, то все о'кей и можно двигаться дальше. Даже мысль о том, что это должно быть интересно твоему академическому сообществу не приходит уже в голову, а разговоры об этом, например, с моей подачи, вызывают такое же недоумение. В этом есть свои пороки, и стоит хоть раз ощутить, что ты делаешь что-то важное, нужное и интересное для своих коллег, как легко поймешь уязвимость такой позиции»¹. В самом деле, иногда полезно читать Живой Журнал. Узнаешь для себя нечто новое. От всей этой эскапады Роберт Мертон перевернулся бы в гробу.

Есть и продолжение. «Мое интервью с «советскими» социологами показывают нечто отличное от нашего восприятия социологии. Они постоянно говорят о пользе социологии, о своем желании понять и исправить ту действительность, в которой они находятся. Они интересовались реальными проблемами, говорили о пользе для своей страны и т.п. Не могу представить, чтобы я услышала от социолога лет до тридцати (может и больше, но это уже не мой круг общения) такие слова, скорее можно услышать что-то более циничное»². Разумеется, не стоит преувеличивать значимость одного суждения, но, надо признаться, оно достаточно характерно.

¹ <http://mad-differens.livejournal.com/87888.html>

² Там же.

И вновь о преподавании. Дело в том, что практическое преподавание довольно коварная вещь. Оно, в отличие от свободного полета теоретической мысли, есть производство и даже сборочный конвейер, требующий точности, дисциплины, ясности намерений и умения их реализовывать на постоянной основе. Здесь любые теоретические новации студийного и субкультурного плана, что называется, «обламываются» при столкновении с требованиями производственного процесса. Социологи-«новаторы», как правило, не способны от начала и до конца на большой временной дистанции читать базовые курсы лекций, писать учебники, и вообще сполна включаться в технологию учебного процесса. Зато у них бесконечные «летние школы», «мастер-классы», «мастерские», «круглые столы», «методические семинары», «сборники текстов» и пр. Все эти эпизодические мимолетности—их стихия. При этом само преподавание превращается в серию настроенческих фрагментов, своего рода «коллаж», составленный из весьма специфического набора лиц и идей. В результате такого подхода и появляются на свет божий молодые специалисты, погруженные в рефлексивное созерцание своей неповторимой «социологии».

Если предельно индивидуализированная социология своего собственного *Я* и есть та искомая цель, к которой эволюционирует деконструктивистская пропедевтика, то едва ли игра стоит свеч вообще. Тогда уж, честное слово, лучше резать свинью.

Итак, опять либо-либо... В который раз.

Социологические «петрикизмы» в социологии при всей кажущейся их несхожести и даже взаимной полярности, тем не менее, имеют общие корни. Возникнув еще в далекие 90-е (скорее, в конце этих самых 90-х), они держались в тени или на далекой периферии социологии. Но стоило кризису как следует потрепать российское общество, и на поверхности стали процветать научные субкультуры, удобренные состоянием общественной дезориентации. При этом указанные субкультуры вполне агрессивно претендуют на роль «мейн-стрима».

В этих условиях особо важно сохранить установку на *научность* и *чувство реальности*. Социология может продолжить себя и вновь выйти в поле социального действия только в качестве независимой экспертной науки, уважающей себя и вызывающей уважение других, опирающейся на традиции национальной культуры, но при этом живущей одной интеллектуальной жизнью с международной социологией Запада и Востока, Севера и Юга. Это гарантирует ей востребованность в будущем в России и остальном мире. Там, где сообщества «встают с колен», там расцветает и социология. В противном случае прорастает либо чистой воды ненаучная политическая идеология, либо

столь же чистой воды социология своего собственного Я, как бы мудрено она ни называлась и завивалась.